

ПЕРВЫЕ КНИЖКИ
О ЖИВОТНЫХ

М. Пришвин

Лесные ЗАГАДКИ



Аванта



ПЕРВЫЕ КНИЖКИ
О ЖИВОТНЫХ

М. Пришвин

Лесные ЗАГАДКИ

Аванта

Москва 2020

ЖУРКА

Раз было у нас — поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он её проглотил. Дали другую — проглотил. Третью, четвёртую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

— Умница! — сказала моя жена и спросила меня: — А сколько он может съесть их? Десять может?

— Десять, — говорю, — может.

— А ежели двадцать?

— Двадцать, — говорю, — едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить — и Журка с ней, она в огород — и Журке там надо, и тоже на полевые, колхозные работы ходит с ней, и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребёнку, и без него ей уж скучно, без него никуда. Но только ежели случится — нет его, крикнет только одно: «Фру-фру!» — и он к ней бежит. Такой умница!

Так живёт у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.



Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула — и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слёзы, и к нам: «Ах, ах, горе какое! Ах, ах!» Мы все прибежали к колодцу. Видим — Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

— Фру-фру! — кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

— Фру-фру!

И такой умница! Как только услышал он это наше «фру-фру», сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять — проглотил, дали десять — проглотил, двадцать и тридцать, да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.





ПОГОНЫШ



КРОНШНЕП

КАКИЕ ПТИЦЫ ЖИВУТ
НА БОЛОТАХ?



БОЛОТНЫЙ КУЛИК



ЦАПЛЯ СЕРАЯ



ВЫТЬ





БОЛОТНЫЙ ЛУНЬ

ЧИБИС

БОЛОТНАЯ КАМЫШЁВКА

КАРАВАЙКА

БОЛОТНАЯ СОВА

КОТ

Когда я вижу из окна, как пробирается в саду Васька, я кричу ему самым нежным голосом:

— Ва-сень-ка!

И он в ответ, я знаю, тоже мне кричит, но я немного на ухо туг и не слышу, а только вижу, как после моего крика на его белой мордочке открывается розовый рот.

— Ва-сень-ка! — кричу ему.

Я догадываюсь, — он кричит мне:

— Сейчас я иду!

И твёрдым прямым тигровым шагом направляется в дом.

Утром, когда свет из столовой через приоткрытую дверь виднеется ещё только бледной щёлкой, я знаю, что у самой двери в темноте сидит и дожидается меня кот Васька. Он знает, что столовая без меня пуста, и боится: в другом месте он может подремать мой вход в столовую. Он давно сидит тут, и, как только я вношу чайник, с добрым криком он бросается ко мне.

Когда я сажусь за чай, он садится мне на левую коленку и следит за всем: как я колю сахар щипчиками, как режу хлеб, как намазываю масло. Мне известно, что солёное масло он не ест, а принимает только маленький кусочек хлеба, если ночью не поймал мышь.

Когда он уверится, что ничего вкусного нет на столе — корочки сыра или кусочка колбасы, — то

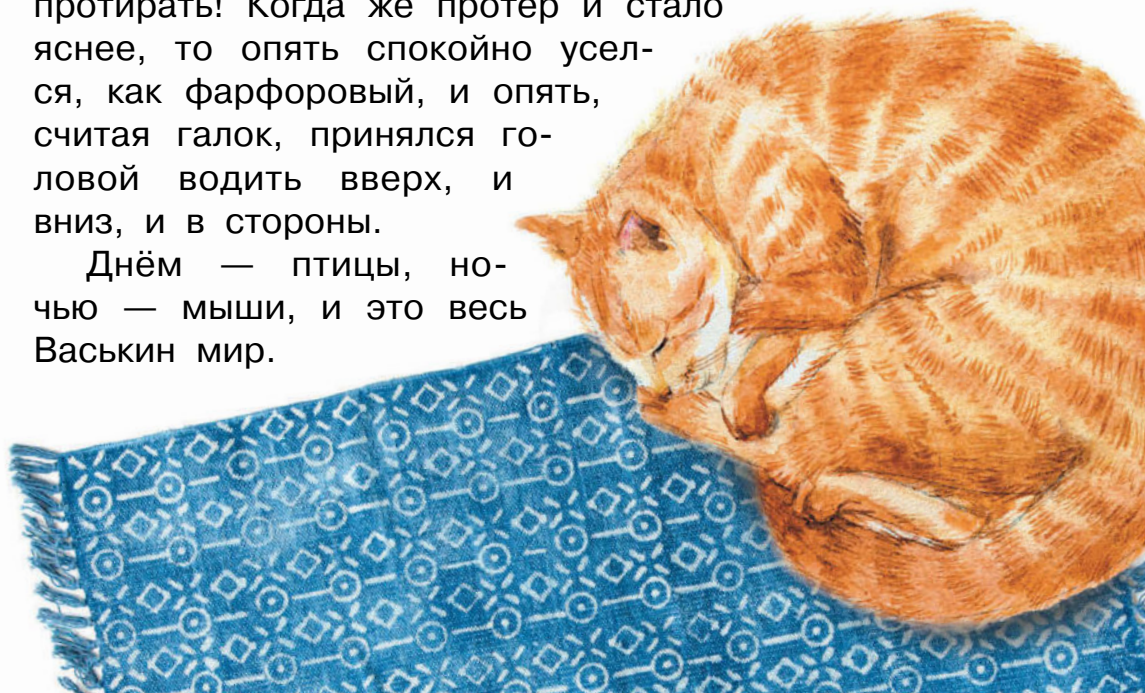
он опускается на моей коленке, потопчется немного и засыпает.

После чая, когда встаю, он просыпается и отправляется на окно. Там он повёртывается головой во все стороны, вверх и вниз, считая пролетающих в этот ранний утренний час плотными стаями галок и ворон. Из всего сложного мира жизни большого города он выбирает себе только птиц и устремляется весь целиком только к ним.

Днём — птицы, а ночью — мыши, и так весь мир у него: днём при свете чёрные узкие щёлки его глаз, пересекающие мутный зелёный круг, видят только птиц, ночью открывается весь чёрный светящийся глаз и видит только мышей.

Сегодня радиаторы тёплые, и оттого окно сильно запотело, и коту очень плохо стало галок считать. Так что же выдумал мой кот! Поднялся на задние лапы, передние на стёкла, и ну протирать, ну протирать! Когда же протёр и стало яснее, то опять спокойно уселся, как фарфоровый, и опять, считая галок, принялся головой водить вверх, и вниз, и в стороны.

Днём — птицы, ночью — мыши, и это весь Васькин мир.



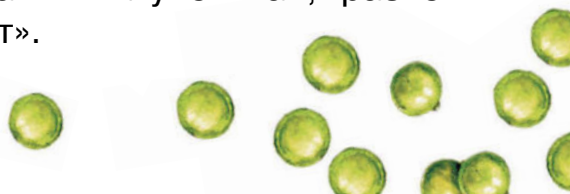




КАК Я НАУЧИЛ СВОИХ СОБАК ГОРОХ ЕСТЬ



Лада, старый пойнтер десяти лет, — белая с жёлтыми пятнами. Травка — рыжая, лохматая, ирландский сеттер, и ей всего только десять месяцев. Лада — спокойная и умная. Травка — бешеная и не сразу меня понимает. Если я, выйдя из дому, крикну: «Травка!» — она на одно мгновение обалдеет. И в это время Лада успевает повернуть к ней голову и только не скажет словами: «Глупенькая, разве ты не слышишь, хозяин зовёт».



Сегодня я вышел из дому и крикнул:

— Лада, Травка, горох поспел, идёте скорей горох есть!

Лада уже лет восемь знает это и теперь даже любит горох. Горох ли, малина, клубника, черника, даже редиска, даже репа и огурец, только не лук. Я, бывало, ем, а она, умница, вдумывается, глядишь, и себе начинает рвать стручок за стручком. Полный рот, бывало, наберёт гороху и жуёт, а горох с обеих сторон изо рта сыплется, как из веялки. Потом выплюнет шелуху, а самый горох с земли языком соберёт весь до зёрнышка.

Вот и теперь я беру толстый зелёный стручок и предлагаю его Травке. Ладе, старухе, уж конечно, это не очень нравится, что я предпочитаю ей молодую Травку. Лохмушка берёт в рот стручок и выплёвывает. Второй даю — и второй выплёвывает. Третий стручок даю Ладе. Берёт. После Лады опять Травке даю. Берёт. И так пошло скоро один стручок Ладе, другой — Травке. Дал по десять стручков.

— Жуйте, работайте!

И пошли жернова молоть горох, как на мельнице. Так и хлещет горох в разные стороны у той и другой. Наконец, Лада выплюнула шелуху, и вслед за ней Травка тоже выплюнула. Лада стала языком зёрна собирать. Травка попробовала и вдруг поняла и стала есть горох с таким





же удовольствием, как и Лада. Она стала есть потом и малину, и клубнику, и огурцы. И всему этому я научил Травку из-за большой любви ко мне Ладды. Лада ревнует ко мне Травку и ест, Травка Ладу ревнует и ест. Мне кажется, если я устрою между ними соревнование, то они, пожалуй, скоро у меня и лук будут есть.

ГАЕЧКИ

Мне попала соринка в глаз. Пока я её вынимал, в другой глаз ещё попала соринка.

Тогда я заметил, что ветер несёт на меня опилки и они тут же ложатся дорожкой в направлении ветра. Значит, в той стороне, откуда был ветер, кто-то работал над сухим деревом.

Я пошёл на ветер по этой белой дорожке опилок и скоро увидел, что это две самые маленькие синицы, гайки, сизые, с чёрными полосками на белых пухленьких щёчках, работали носами по сухому дереву и добывали себе насекомых в гнилой древесине. Работа шла так бойко, что птички на моих глазах всё глубже и глубже уходили в дерево. Я терпеливо смотрел на них в бинокль, пока наконец от одной гаечки на виду остался лишь хвостик. Тогда я тихонечко зашёл с другой стороны, подкрался и то место, где торчит хвостик, покрыл ла-





донью. Птичка в дупле не сделала ни одного движения и сразу как будто умерла. Я принял ладонь, потрогал пальцем хвостик — лежит, не шевелится; погладил пальцем вдоль спинки — лежит, как убитая. А другая гаечка сидела на ветке в двух-трёх шагах и попискивала. Можно было догадаться, что она убеждала подругу лежать как можно смирнее.

«Ты, — говорила она, — лежи и молчи, а я буду около него пищать, он погонится за мной, я полечу, и ты тогда не зевай».

Я не стал мучить птичку, отошёл в сторону и наблюдал, что будет дальше. Мне пришлось стоять довольно долго, потому что свободная гайка видела меня и предупреждала пленную:

— Лучше полежи немного, а то он тут, недалеко, стоит и смотрит.



Так я очень долго стоял, пока наконец свободная гайка не пропищала совсем особенным голосом, как я догадываюсь:

— Вылезай, ничего не поделаешь: стоит.

Хвост исчез. Показалась головка с чёрной полоской на щеке. Пискнула:

— Где же он?

— Вон стоит, — пискнула другая. — Видишь?

— А, вижу! — пискнула пленница.

И выпорхнула.

Они отлетели всего несколько шагов и, наверно, успели шепнуть друг другу:

— Давай посмотрим, может быть, он и ушёл.

Сели на верхнюю ветку. Всмотрелись.

— Стоит, — сказала одна.

— Стоит, — сказала другая.

И улетели.



СИНИЙ ЛАПОТЬ

Через наш большой лес проводят шоссе с отдельными путями для легковых машин, для грузовиков, для телег и для пешеходов. Сейчас пока для этого шоссе только лес вырубili коридором. Хорошо смотреть вдоль по вырубке: две зелёные стены леса и небо в конце. Когда лес вырубали, то большие деревья куда-то увозили, мелкий же хворост —



грачевник — собирали в огромные кучи. Хотели увезти и грачевник для отопления фабрики, но не управились, и кучи по всей широкой вырубке остались зимовать.

Осенью охотники жаловались, что зайцы куда-то пропали, и некоторые связывали это исчезновение зайцев с вырубкой леса: рубили, стучали, гомонили и распугали. Когда же налетела пороша и по следам можно было разглядеть все заячьи проделки, пришёл следопыт Родионыч и сказал:

— Синий лапоть весь лежит под кучами Грачевника.

Родионыч, в отличие от всех охотников, зайца называл не «косым чёртом», а всегда «синим лаптем»; удивляться тут нечему: ведь на чёрта заяц не более похож, чем на лапоть, а если скажут, что синих лаптей не бывает на свете, то я скажу, что ведь и косых чертей тоже не бывает.

Слух о зайцах под кучами мгновенно обежал весь наш городок, и под выходной день охотники во главе с Родионом стали стекаться ко мне.

Рано утром, на самом рассвете, вышли мы на охоту без собак: Родион был такой искусник, что лучше всякой гончей мог нагнать зайца на охотника. Как только стало видно настолько, что можно было отличить следы лисьи от заячьих, мы взяли заячий след, пошли по нему, и, конечно, он привёл нас к одной куче грачевника, высокой, как наш деревянный дом с мезонином. Под этой кучей должен был лежать заяц, и мы, приготовив ружья, стали все кругом.

— Давай, — сказали мы Родиону.

— Вылезай, синий лапоть! — крикнул он и сунул длинной палкой под кучу.

Заяц не выскочил. Родион оторопел. И, подумав, с очень серьёзным лицом, оглядывая каждую мелочь на снегу, обошёл всю кучу и ещё раз по большому кругу обошёл: нигде не было выходного следа.

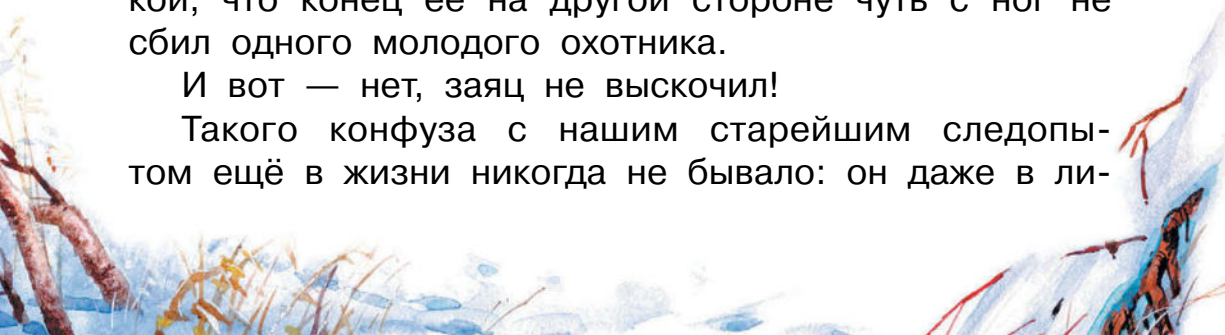
— Тут он, — сказал Родион уверенно. — Становись на места, ребяташки, он тут. Готовы?

— Давай! — крикнули мы.

— Вылезай, синий лапоть! — крикнул Родион и трижды пырнул под грачевник такой длинной палкой, что конец её на другой стороне чуть с ног не сбил одного молодого охотника.

И вот — нет, заяц не выскочил!

Такого конфуза с нашим старейшим следопытом ещё в жизни никогда не бывало: он даже в ли-





це как будто немного опал. У нас же суета пошла, каждый стал по-своему о чём-то догадываться, во всё совать свой нос, туда-сюда ходить по снегу и так, затирая все следы, отнимать всякую возможность разгадать проделку умного зайца.



И вот, вижу, Родионыч вдруг просиял, сел, довольный, на пень поодаль от охотников, свёртывает себе папироску и моргает, вот подмаргивает мне и подзывает к себе. Смекнув дело, незаметно для всех подхожу к Родионычу, а он мне показывает вверх, на самый верх засыпанной снегом высокой кучи грачевника.

— Гляди, — шепчет он, — синий-то лапоть какую с нами штуку играет.

Не сразу на белом снегу разглядел я две чёрные точки — глаза беляка и ещё две маленькие

точки — чёрные кончики длинных белых ушей. Это голова торчала из-под грачевника и повёртывалась в разные стороны за охотниками: куда они, туда и голова.

Стоило мне поднять ружьё — и кончилась бы в одно мгновение жизнь умного зайца. Но мне стало жалко: мало ли их, глупых, лежит под кучами!..

Родионыч без слов понял меня. Он смял себе из снега плотный комочек, выждал, когда охотники сгрудились на другой стороне кучи, и, хорошо наметившись, этим комочком пустил в зайца.

Никогда я не думал, что наш обыкновенный заяц-беляк, если он вдруг встанет на куче, да ещё прыгнет вверх аршина на два, да объявится на фоне неба, — что наш же заяц может показаться гигантом на огромной скале!

А что стало с охотниками? Заяц ведь прямо к ним с неба упал. В одно мгновенье все схватились за ружья — убить-то уж очень было легко. Но каждому охотнику хотелось раньше другого убить, и каждый, конечно, хватил, вовсе не целясь, а заяц живёхонький пустился в кусты.

— Вот синий лапоть! — восхищённо сказал ему вслед Родионыч.

Охотники ещё раз успели хватить по кустам.

— Убит! — закричал один, молодой, горячий.

Но вдруг, как будто в ответ на «убит», в дальних кустах мелькнул хвостик; этот хвостик охотники почему-то всегда называют цветком. Синий лапоть охотникам из далёких кустов только своим «цветком» помахал.

ПТИЦЫ ПОД СНЕГОМ

У рябчика в снегу два спасения: первое — под снегом тепло ночевать, а второе — снег тащит с собой на землю с деревьев разные семечки на пищу рябчику. Под снегом рябчик ищет семечки, делает там ходы и окошечки вверх для воздуха. Идёшь иногда в лесу на лыжах, смотришь — показалась головка и спряталась: это рябчик. Даже и не два, а три спасения рябчику под снегом: и тепло, и пища, и спрятаться можно от ястреба.

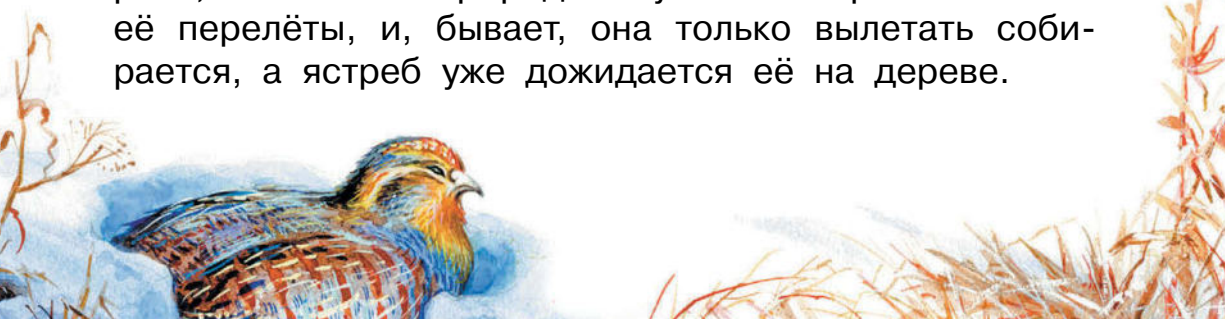
Тетерев под снегом не бегают, ему бы только спрятаться от непогоды. Ходов больших под снегом, как у рябчика, у тетеревов не бывает, но устройство квартиры тоже аккуратное: назади отхожее место, впереди дырочка над головой для воздуха.

Серая куропатка у нас не любит зарываться в снег и летает ночевать в деревню на гумна. Перебудет куропатка в деревне ночь с мужиками и утром летит кормиться на то же самое место. Куро-





патка, по моим приметам, или дикость свою потеряла, или же от природы неумная. Ястреб замечает её перелёты, и, бывает, она только вылетать собирается, а ястреб уже дожидается её на дереве.





Тетерев, я считаю, много умнее куропатки. Раз было со мной в лесу. Иду я на лыжах; день красный, хороший мороз. Открывается передо мною большая поляна, на поляне высокие берёзы, и на берёзах тетерева кормятся почками.

Вдруг все тетерева бросились вниз и зарылись в снег под берёзами.

Долго я любовался, но вдруг все тетерева бросились вниз и зарылись в снег под берёзами. В тот же миг является ястреб, ударился на то место, где зарылись тетерева, и заходил. Ну, вот прямо же над самыми тетеревами ходит, а догадаться не может копнуть ногой и схватить. Мне это было очень любопытно. Думаю: «Ежели он ходит, значит, чувствует их под собой, и ум у ястреба велик, а такого нет, чтобы догадаться и копнуть лапой на какой-нибудь вершок-два в снегу».

Ходит и ходит.

Захотелось мне помочь тетеревам, и стал я подкрадываться к ястребу. Снег мягкий, лыжа не шумит; но только начал я объезжать кустами поляну, вдруг провалился в можжуху* по самое ухо. Вылезал я из провалища, конечно, уж не без шума и думал: «Ястреб это услышал и улетел». Выбрался и о ястребе уж и не думаю, а когда поляну объехал и

* Можжухи — кусты можжевельника; когда их снегом завалит, не видишь этих кустов, а снег не выдержит — и провалишься.





выглянул из-за дерева, ястреб прямо передо мной на короткий выстрел ходит у тетеревов над головами. Я выстрелил. Он лёг. А тетерева до того напуганы ястребом, что и выстрела не испугались. Подошёл я к ним, шарахнул лыжей, и они из-под снега один за другим как начнут вылетать; кто никогда не видал, обомрёт.



Я много всего в лесу насмотрелся, мне всё это просто, но я всё-таки дивлюсь на ястреба: такой умнейший, а на этом месте оказался таким дураком. Но всех дурашливей я считаю куропатку. Избаловалась она между людьми на гумнах, нет у неё, как у тетерева, чтобы, завидев ястреба, со всего маху броситься в снег. Куропатка от ястреба только голову спрячет в снег, а хвост весь на виду. Ястреб берёт её за хвост и тащит, как повар на сковороде.

ХЛОПУНКИ

Растут, растут зелёные дудочки; идут, идут с болот сюда тяжёлые кряквы, переваливаясь, а за ними, посвистывая, чёрные утята с жёлтыми лапками между кочками за маткой, как между горами.

Мы плывём на лодке по озеру в тростники проверить, много ли будет в этом году уток и как они, молодые, растут: какие они теперь — летают, или пока ещё только ныряют, или удирают бегом по воде, хлопая короткими крыльями. Эти хлопунки — очень занятная публика. Направо от нас, в тростниках, зелёная стена и налево зелёная, мы же едем по свободной от водяных растений узкой полосе. Впереди нас на воду из тростников выплывают два самых маленьких чирёнка-свистунка в чёрном пуху и, завидев нас, начинают во всю мочь удирать. Но, сильно упираясь в дно веслом, мы дали нашей лодке очень быстрый ход и стали их настигать. Я уже протянул было руку, чтобы схватить одного, но вдруг оба чирёнка скрылись под водой. Мы долго ждали, пока они вынырнут, как вдруг заметили их в тростниках. Они затаились там, высунув носики между тростниками. Мать их — чирок-свистунок — всё время летала вокруг нас и очень тихо, вроде как бывает, когда утка, решаясь спуститься на воду, в самый последний момент перед соприкосновением с водой как бы стоит в воздухе на лапках.

После этого случая с маленькими чирятами впереди, на ближайшем плёсе, показался кряковый утёнок, совсем большой, почти с матку. Мы были уверены, что такой большой может отлично летать, стукнули веслом, чтобы он полетел. Но, верно, он ещё летать не пробовал и пустился от нас хлопунком. Мы тоже пустились за ним и стали быстро настигать. Его положение было много хуже, чем тех маленьких, потому что место было тут до того мел-



кое, что нырнуть ему некуда. Несколько раз в последнем отчаянии он пробовал клюнуть носом воду, но там ему показывалась земля и он только время терял. В одну из таких попыток наша лодочка поравнялась с ним, я протянул руку...

В эту минуту последней опасности утёнок собрался с силами и вдруг полетел. Но это был его первый полёт, он ещё не умел управлять. Он летел совершенно так же, как мы, научившись садиться на велосипед, пускаем его движением ног, а рулём повернуть ещё боимся, и потому первая поездка бывает всё прямо, прямо, пока не наткнёмся на что-нибудь — и бух набок. Так и утёнок летел всё прямо, а впереди него была стена тростников. Он не умел ещё взмывать над тростниками, зацепился лапками и чебурахнулся вниз.

Точно так было со мной, когда я прыгал-прыгал на велосипед, падал, падал и вдруг сел и с большой быстротой помчался прямо на корову...





ОГАРЬ

ЧИРОК-
СВИСТУНОК

КАКИЕ БЫВАЮТ
УТКИ

ТЕГАНКА

МОРСКАЯ ЧЕРНЕТЬ



ЧИРОК-КЛОКОТУН



ХОХЛАТАЯ ЧЕРНЕТЬ



КРЯКВА



ТАИНСТВЕННЫЙ ЯЩИК

В Сибири, в местности, где водится очень много волков, я спросил одного охотника, имеющего большую награду за гражданскую войну:

— Бывают ли у вас случаи, чтобы волки нападали на человека?

— Бывают, — ответил он. — Да что из этого? У человека оружие, человек — сила, а что волк! Собака — и больше ничего.

— Однако, если эта собака да на безоружного человека...

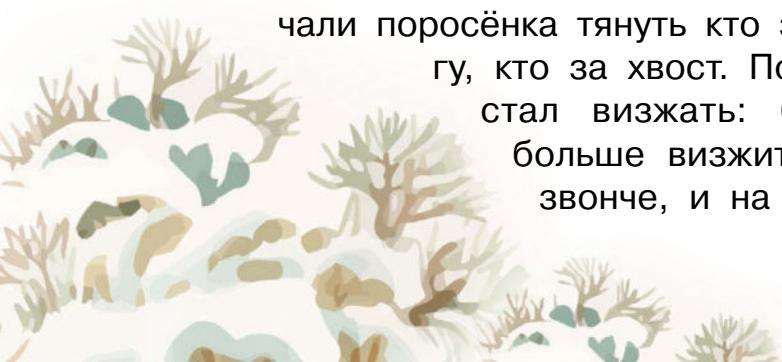
— И то ничего, — засмеялся партизан. — У человека самое сильное оружие — ум, находчивость и, в особенности, такая оборотливость, чтобы из всякой вещи сделать себе оружие. Раз было, один охотник простой ящик превратил в оружие.

Партизан рассказал случай из очень опасной охоты на волков с поросёнком.

Лунной ночью сели в сани четыре охотника и захватили с собой ящик с поросёнком. Ящик был большой, сшитый из полутёса. В этот ящик без крышки посадили поросёнка и поехали в степь, где волков великое множество. А было это зимой, когда волки голодные. Вот охотники выехали в поле и на-

чали поросёнка тянуть кто за ухо, кто за ногу, кто за хвост. Поросёнок от этого

стал визжать: больше тянут — больше визжит, и всё звонче и звонче, и на всю степь.



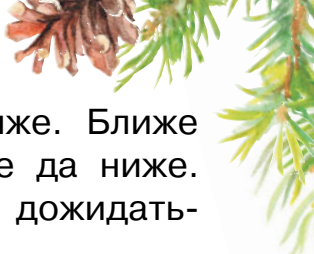
Со всех сторон на этот пороссячий визг стали собираться волчьи стаи и настигать охотничьи сани. Когда волки приблизились, вдруг лошадь их почуяла и как хватит! Так и полетел из саней ящик с поросёнком, и, самое скверное, вывалился один охотник без ружья и даже без шапки.

Часть волков умчалась за взбешённой лошадью, другая же часть набросилась на поросёнка, и в один миг от него ничего не осталось. Когда же эти волки, закусив поросёнком, захотели приступить к безоружному человеку, вдруг глядят, а человек этот исчез, и на дороге только ящик один лежит вверх дном.

Вот пришли волки к ящику и видят, ящик-то не простой, ящик движется с дороги к обочине и с обочины в глубокий снег. Пошли волки осторожно за ящиком, и как только этот ящик попал на глубокий снег, на глазах волков он стал ни- жеть и ни- жеть.

Волки оробели, но, постояв, справились и со всех сторон ящик окружили. Стоят





волки и думают, а ящик всё ниже да ниже. Ближе волки подходят, а ящик не дремлет: ниже да ниже. Думают волки: «Что за диво? Так будем дожидаться — ящик и вовсе под снег уйдёт».

Старший волк осмелился, подошёл к ящику, приставил нос свой к щёлке.

И только он свой волчий нос приставил к этой щёлке, как дунет на него из щёлки! Сразу все волки бросились в сторону, какой куда попал. А тут же вскоре охотники вернулись на помощь, и человек живой и здоровый вышел из ящика.

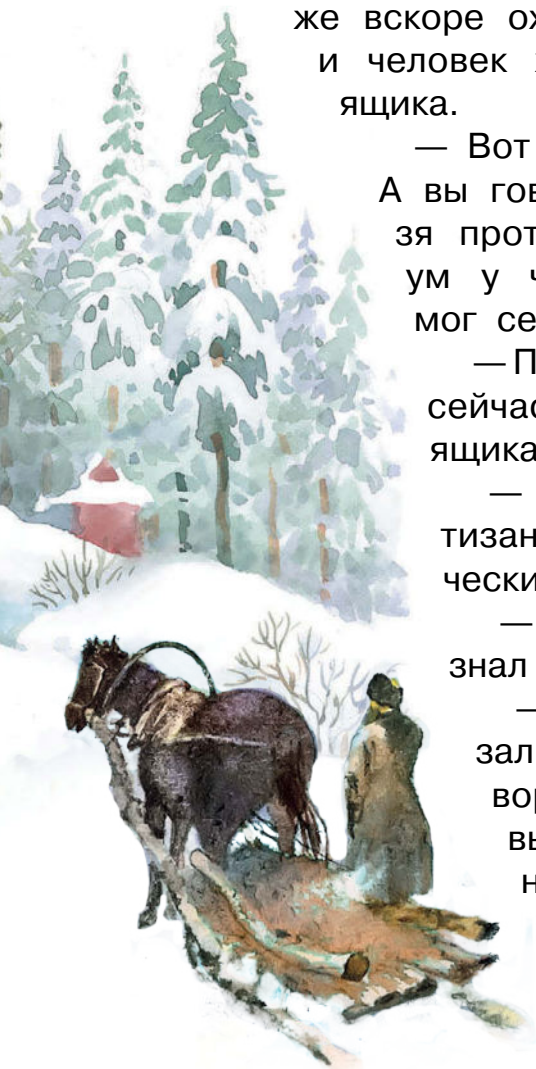
— Вот и всё, — сказал партизан. — А вы говорите, что безоружному нельзя против волков выходить. На то и ум у человека, чтобы он из всего мог себе делать защиту.

— Позволь, — сказал я, — ты мне сейчас сказал, что человек из-под ящика чем-то дунул.

— Чем дунул? — засмеялся партизан. — А словом своим человеческим дунул, и они разбежались.

— Какое же это слово такое он знал против волков?

— Обыкновенное слово, — сказал партизан. — Какие слова говорят в таких случаях? «Дураки вы, волки», сказал — и больше ничего.



ЛЕСНЫЕ ЗАГАДКИ

В лесу много было тетеревов: все муравейники были расчёсаны их лапами. Но одна кочка выглядела по-иному, в ней было значительное углубление; так тетерева не раскапывают, и я не мог догадаться, какое лесное существо пробило такую глубокую брешь в муравьиной республике.

Очень досадно бывает уходить, не решив лесной загадки, и так это часто бывает: тысячи вопросов ставит природа, а справиться негде, кроме как только в своей собственной голове. Обыкновенно я так и оставляю вопрос без ответа, но запоминая его и верю, что дождусь когда-нибудь в том же лесу и ответа. Помню, раз стал передо мною в юности вопрос: отчего начинаются болотные кочки? Читал дома книги, и все ответы мне не нравились: причин указывалось множество, а всё как-то неясно и предположительно. Раз я сел отдохнуть на лесной вырубке. Вокруг были пни на сыром месте, и между пнями на большом пространстве начался свежий моховой покров, так было красиво: эта моховая зелень была, как будто на солнце, а луна её освещала. И везде весь этот лунно-зелёный покров был небольшими бугорками. Я подумал: «Вот первое





начало кочек!» Однако опять стало непонятно: конечно, по этим началам легко можно было представить дальнейшее нарастание кочек, но где же причина этому началу? Тут сама рука помогла: взяв один бугорок, снял с него моховой покров, а под ним оказалось старое гнилое берёзовое полено, то полено и было причиной мохового бугорка.

На ходу у меня как-то всё больше являются вопросы, а решения приходят на отдыхе. Так случилось и с этой, непонятным образом взрытой муравьиной кочкой. Мне захотелось тут чаю напиться. Отвинтив стаканчик термоса, я сел под сосной на мягкую моховую кочку, налил чаю, стал потихоньку пить, мало-помалу забылся и слился с природой. Тёмные, тёплые дождевые облака закрыли солнце, и тогда вместе со мной всё задумалось, и вот какая тишина наступила перед дождём: я услышал очень издали порхание дятла, звук этот всё нарастал, нарастал и вот... здравствуйте! — появляется и садится на вершине моей сосны. Подумал он там о чем-то немного, оглянулся во все стороны и так смешно: на меня-то, на такого страшного великана, вниз и не посмотрел. Это я много замечал у птиц, — вертит головой, а под собой не видит. Не только дятлы, а и глухари случалось сидели долго так над головой во время моих лесных чаепитий.

Так дятел не обратил на меня внимания и спустился на тот самый муравейник, о котором был поставлен вопрос, и ответ был у меня на виду: дятел забрался в отверстие муравейника и принялся там воевать, добывая себе какое-то пропитание.

А то был у меня один день этим летом, вот так денёк, — столько загадок сразу, что согрешил: обругал одну ни в чём не повинную бабушку. Вышла у меня в этот день из рук на болоте первопольная моя собака Нерль. Не слушает свистка. Потяжка кончается взлётом бекаса без стойки. Я разгорячился, потерял себя, потому что мне надо было охотиться, а приходилось собаку учить. Делаю промах за промахом и опять спешу к наседающей на бекаса собаке, не успевая даже вынуть из волос своих вечно жужжащую пчелу. Наконец беру собаку к ноге, снимаю шляпу, взъерошиваю волосы, и неприятнейший звук прекращается.

Так освободился от пчелы, стало полегче, и опять захотелось пострелять. Пускаю Нерль в карьер и вижу, шагах в пятидесяти от меня она опять начинает, переступая с лапки на лапку, подбираться к бекасу. Хотел поспешить к ней, чтобы задержать наступление, но сразу обеими ногами попал в коровий растоп. Выбираюсь из грязи и слышу, опять эта же самая надоедливая пчела жужжит у меня в волосах во всю мочь.

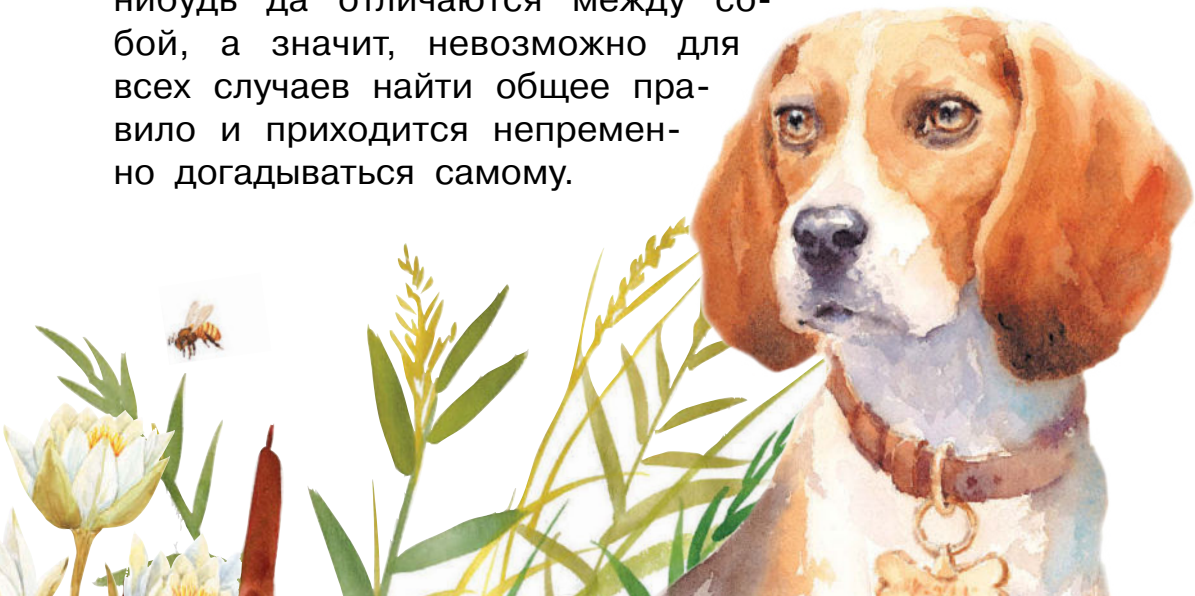
— Чирк! — взлетел бекас без стойки.

Не успел вскинуть ружьё. А какой был хороший. И вдруг



мне слышалось, опять чиркнул бекас, но не взлетел. Так, однако, не бывает. «Чирк!» — сзади другой. Обертываюсь, нет никого. Прислушиваюсь. Жужжит пчела в волосах, стрекочет сорока в кустах. Сделал предположение, что от волнения на ходу мне так по-бекасиному сорочий крик переиначивается. Но вдруг — чирк! — а сорока сама собой. Вот тут-то я и дошёл до того, что обругал одну бабушку, которая при встрече вместо обычного «ни пера, ни пуха» от всего своего чистого сердца пожелала: «Пошли тебе, господи, полную сумку набить!»

Измученный вошёл я в лес на суходол, сел на заготовленные кем-то жерди, снял шляпу, хорошо перебрал свои волосы, пчелы не было, звук перестал. Мало-помалу силы мои стали возвращаться, и вместе с тем явилась моя обычная уверенность, что догадкой можно преодолеть всякую неприятность с собакой. Необходимость таких догадок вытекает, как я думаю, из неповторимости в природе индивидуумов; каждый человек, каждое животное хоть чем-нибудь да отличаются между собой, а значит, невозможно для всех случаев найти общее правило и приходится непременно догадываться самому.



Пока я предавался таким размышлениям, Нерль тихонько встала, что-то причуяла на земле, робко взглянула на меня, сделала небольшой кружок, потом побольше. Я сказал ей тихонько, намекая на приказание лежать: «Что сказано?»

Она стала приближаться, но не сразу, а тоже кругами, не дошла, опять удалилась, и опять я сказал: «Что сказано?»

При этом я заметил, что Нерль, сдержанная в поиске, старалась как можно выше задрать нос и так заменяла невозможное для неё теперь копоройство потяжкой по воздуху. В этот момент у меня мелькнула догадка. Я встаю, иду вперёд, и как только Нерль отходит от меня дальше десяти шагов, говорю ей тихонько: «Что сказано?» Так мы подходим к кусту. Она останавливается. Я повторяю. «Что сказано?» — и держу её долго на стойке. Потом вылетает черныш.

Конечно, я спешу опять на болото и сдерживаю поиск, дальше десяти шагов ей идти не разрешается, а потому она и поднимает голову вверх, чтобы причуять по воздуху. Вот прихватила, подбирается.

— Что сказано?



Черныш



Останавливается, выше, выше поднимает нос, втягивает воздух, замирает, по ошибке лапу поджала сначала заднюю — не понравилось, поджала переднюю, и с этой лапы стала капать в лужу вода.

Я убил этого бекаса, потом убил другого и третьего, догадкой и упрямством мало-помалу снимая «колдовство» столь незаслуженно обруганной мной бабушки. И когда дошло до пчелы, которая продолжала жужжать, я догадался: пчела не в волосах была, а попала в шляпу за ленту. И последнее, — бекасиное «чирк», это было у меня что-то в носу, как в топком болоте, сильно потянешь в себя дыхание, так и чиркнет в носу совершенно по-бекасиному.

ЛЕСНОЙ ШАТЁР

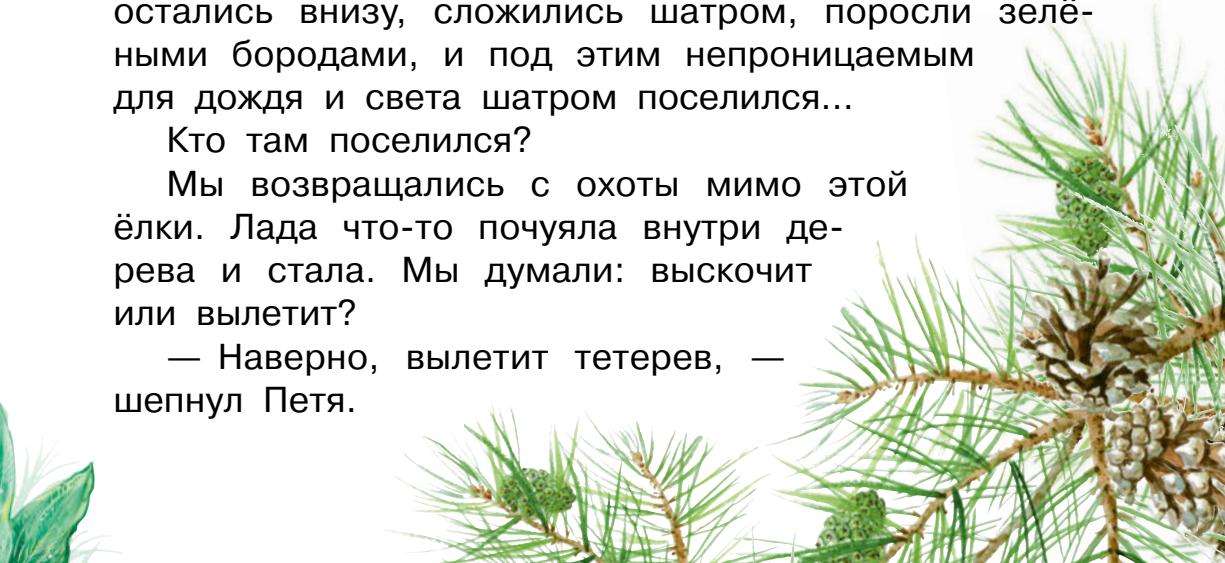


Столетние усилия дерева сделали своё: верхние ветки свои эта ель вынесла к свету, но нижние ветки-детки, сколько ни тащила их наверх матушка, остались внизу, сложились шатром, поросли зелёными бородами, и под этим непроницаемым для дождя и света шатром поселился...

Кто там поселился?

Мы возвращались с охоты мимо этой ёлки. Лада что-то почуяла внутри дерева и стала. Мы думали: выскочит или вылетит?

— Наверно, вылетит тетерев, — шепнул Петя.



И стал смотреть вверх.

— А я думаю, — шепнул я, — заяц пробежит.

И стал смотреть вниз.

Лада стояла.

— Вперёд! — приказал я.

Но она вперёд не шла. И это значило, что дальше нельзя двигаться, что зверь или птица сидит тут же, за первой еловой лапкой.

— Я ударю ногой по этой лапке, — сказал Петя, — а ты стреляй.

«Выскочит или вылетит?» — думал я.

И перекидывал глаза то вниз, то вверх.

Петя ударил по лапке ногой — ничего не выбежало и ничего не вылетело, но зашипело и затुकало, как маленький мотоцикл.

Лада ткнулась и заорала: она себе наколола нос о колючки ежа.

Так ничего не выбежало и не вылетело: это был ёж.



ПИКОВАЯ ДАМА

Курица непобедима, когда она, пренебрегая опасностью, бросается защищать своего птенца. Моему Трубачу стоило только слегка нажать челюстями, чтобы уничтожить её, но громадный гонец, умеющий постоять за себя в борьбе и с волками, поджав хвост, бежит в свою конуру от обыкновенной курицы.

Мы зовём нашу чёрную наседку за необычайную её родительскую злобу при защите детей, за её клюв — пику на голове — Пиковой Дамой. Каждую весну мы сажаем её на яйца диких уток (охотничьих), и она высиживает и выхаживает нам утят вместо цыплят. В нынешнем году, случилось, мы недосмотрели: выведенные утята преждевременно попали на холодную росу, подмочили пупки и погибли, кроме единственного. Все наши заметили, что в нынешнем году Пиковая Дама была во сто раз злей, чем всегда.

Как это понять?



Не думаю, что курица способна обидеться на то, что получились утята вместо цыплят. И раз уж села курица на яйца, недоглядев, то ей приходится сидеть, и надо высидеть, и надо потом выхаживать птенцов, надо защищать от врагов, и надо всё довести до конца. Так она и водит их и не позволяет себе их даже разглядывать с сомнением: «Да цыплята ли это?»

Нет, я думаю, этой весной Пиковая Дама была раздражена не обманом, а гибелью утят, и особенно беспокойство её за жизнь единственного утёнка понятно: везде родители беспокоятся о ребёнке больше, когда он единственный...

Но бедный, бедный мой Грашка! Это — грач. С отломанным крылом он пришёл ко мне на огород и стал привыкать к этой ужасной для птицы бескрылой жизни на земле и уже стал подбегать на мой зов «Грашка», как вдруг однажды в моё отсутствие Пиковая Дама заподозрила его в покушении на своего утёнка и прогнала за пределы моего огорода, и он больше ко мне после того не пришёл.





Что грач! Добродушная, уже пожилая теперь, моя легавая Лада часами выглядывает из дверей, выбирает местечко, где ей можно было бы безопасно от курицы до ветру сходить. А Трубач, умеющий бороться с волками! Никогда он не выйдет из конуры, не проверив острым глазом своим, свободен ли путь, нет ли вблизи где-нибудь страшной чёрной курицы.

Но что тут говорить о собаках — хорош и я сам! На днях вывел из дому погулять своего шестимесячного щенка Травку и, только завернул за овин, гляжу: передо мною утёнок стоит. Курицы возле не было, но я себе её вообразил и в ужасе, что она выключет прекраснейший глаз у Травки, бросился бежать, и как потом радовался — подумать только! — я радовался, что спасся от курицы!

Было вот тоже в прошлом году замечательное происшествие с этой сердитой курицей. В то время, когда у нас прохладными, светло-сумеречными ночами стали сено косить на лугах, я вздумал

немного промять своего Трубача и дать погонять ему лисичку или зайца в лесу. В густом ельнике, на перекрёстке двух зелёных дорожек, я дал волю Трубачу, и он сразу же ткнулся в куст, вытурил молодого русака и с ужасным рёвом погнал его по зелёной дорожке. В это время зайцев нельзя убивать, я был без ружья и



готовился на несколько часов отдаться наслаждению любезнейшей для охотника музыкой. Но вдруг где-то около деревни собака скололась, гон прекратился, и очень скоро возвратился Трубач, очень смущённый, с опущенным хвостом, и на светлых пятнах его была кровь (масти он жёлто-пегой в румянах).

Всякий знает, что волк не будет трогать собаку, когда можно всюду в поле подхватить овцу. А если не волк, то почему же Трубач в крови и в таком необычайном смущении?

Смешная мысль мне пришла в голову. Мне представилось, что из всех зайцев, столь робких всюду, нашелся единственный в мире настоящий и действительно храбрый, которому стыдно стало бежать от собаки. «Лучше умру!» — подумал мой заяц. И, завернув себе прямо в пяту, бросился на Трубача. И когда огромный пёс увидел, что заяц бежит на него, то в ужасе бросился назад и бежал, не помня себя, чаще и обдирал до крови спину. Так заяц и пригнал ко мне Трубача.

Возможно ли это?

Нет! С человеком так могло случиться.

У зайцев так не бывает.

По той самой зелёной дорожке, где бежал русак от Трубача, я спустился из лесу на луг и тут увидел, что косцы, смеясь, оживлённо беседовали и, завидев меня, стали звать скорее к себе, как все люди зовут, когда душа переполнена и хочется облегчить её.

— Ну и дела!





— Да какие же такие дела?

— Ой-ой-ой!

И пошло, и пошло в двадцать голосов, одна и та же история, ничего не поймёшь, и только вылетает из гомона колхозного:

— Ну и дела! Ну и дела!

И вот какие это вышли дела. Молодой русак, вылетев из лесу, покатил по дороге к овинам, и вслед за ним вылетел и помчался врасстяжку Трубач. Случалось, на чистом месте Трубач у нас догонял и старого зайца, а молодого-то догнать ему было очень легко. Русаки любят от гончих укрываться возле деревень, в омётах соломы, в овинах. И Трубач настиг русака возле овина. Косцы видели, как на повороте к овину Трубач раскрыл уже и пасть свою, чтобы схватить зайчика...

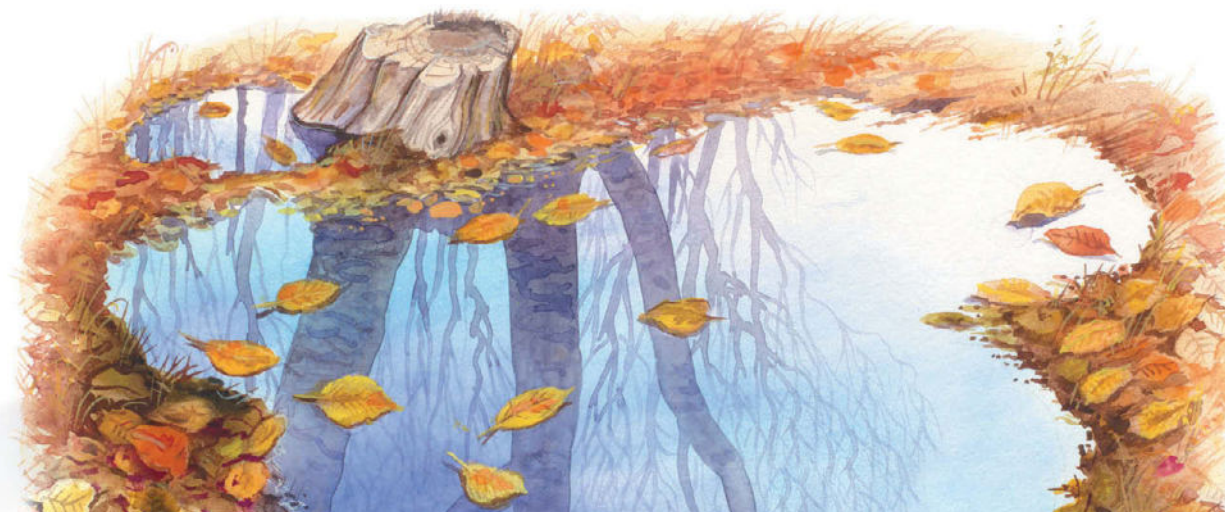
Трубачу бы только хватить, но вдруг на него из овина вылетает большая чёрная курица — и прямо в глаза ему. И он повёртывается назад и бежит. А Пиковая Дама ему на спину — и клюёт и клюёт его своей пикой.

Ну и дела!

И вот отчего у жёлто-пегого в румянах на светлых пятнах была кровь: гонца расклевала обыкновенная курица.

ОТРАЖЕНИЕ

Мы идём с Ладой — моей охотничьей собакой — вдоль небольшого озера. Вода сегодня такая тихая, что летящий кулик и его отражение в воде были совершенно одинаковы: казалось, летели нам навстречу два кулика. Весной в первую прогулку Ладе разрешается гоняться за птичками. Она заметила двух летящих куликов — летели прямо на неё, скрытую от них кустиком. Лада наметилась.



Какого она выберет себе: настоящего, летящего над водой, или его отражение в воде — оба ведь схожи между собой, как две капли воды. Вот бедная Лада выбирает себе отражение и, наверное, думая, что сейчас поймает живого кулика, с высокого берега делает скачок и бухается в воду. А верхний, настоящий кулик улетает.

РЕБЯТА И УТЯТА

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из лесу, в обход деревни, в озеро на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке,



в болотном лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелетывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята.

И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию, прямо и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук.

И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши? — сказал я ребятам. — Думаете, так-то легко попасть утятам в озе-



ро? Снимайте живо все шапки, кричите «до свиданья»!

И те же самые шапки, запylённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух, все разом закричали ребята:

— До свиданья, утята!





МОЯ РОДИНА

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепёлок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху покрывалось румяной пенкой, а под той пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чая.

Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспать восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему работать.

И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!

После чаю я уходил на охоту за перепёлками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горlinkами, бабочками. Ружья тогда у меня ещё не было, да и теперь ружьё в моей охоте необязательно.

Моя охота была и тогда и теперь — в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я ещё не

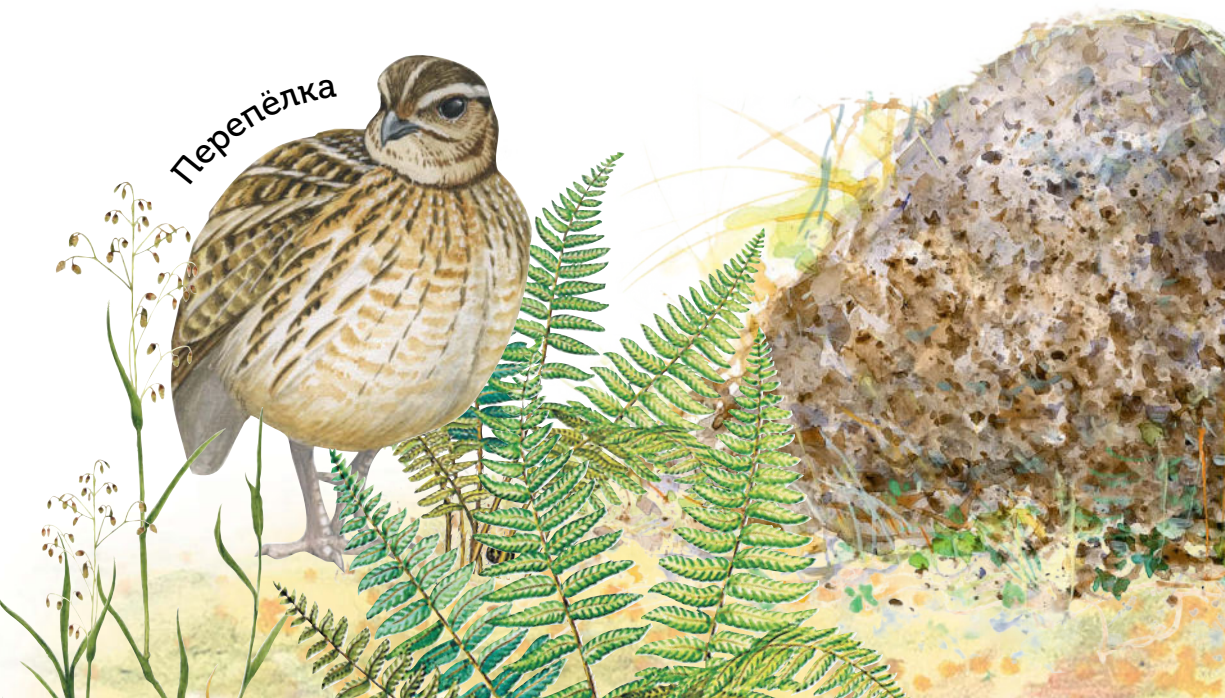
видел, и, может быть, и никто ещё в своей жизни с этим не встречался.


Перепёлку-самку надо было поймать силками такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца поймать сетью самого голосистого. Соловья молодого надо было кормить муравьиными яичками, чтобы потом пел лучше всех. А поди-ка найди такой муравейник да ухитрись набить мешок этими яйцами, а потом отманить муравьев на ветки от своих драгоценных яичек.

Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять — их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоёмы. В лесах, степях, горах разные цен-





ные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверю — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину.

БЕРЕСТЯНАЯ ТРУБОЧКА

Я нашёл удивительную берестяную трубочку. Когда человек вырежет себе кусок берёсты на берёзе, оставшая берёста около пореза начинает свёртываться в трубочку. Трубочка высохнет, туго свернётся. Их бывает на берёзах так много, что и внимания не обращаешь.

Но сегодня мне захотелось посмотреть, нет ли чего в такой трубочке.

И вот в первой же трубочке я нашёл хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом удалось палочкой его вытолкнуть. Вокруг берёзы не было орешника. Как же он туда попал?

«Наверно, белка его туда спрятала, делая зимние свои запасы, — подумал я. — Она знала, что трубка будет всё плотнее и плотнее свёртываться и всё крепче прихватывать орех, чтоб не выпал».

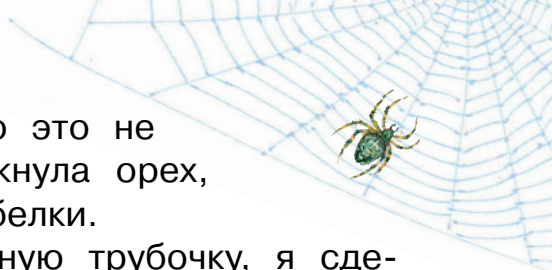


Ореховка, или
кедровка



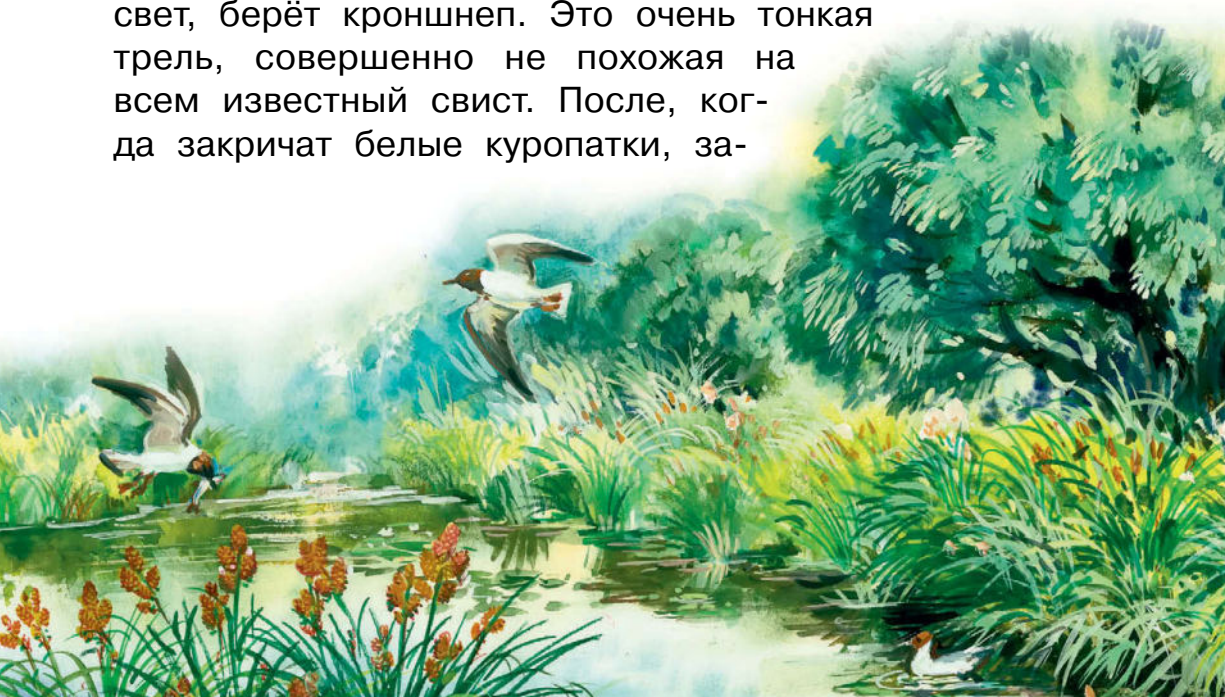
Но после я догадался, что это не белка, а птица ореховка воткнула орех, может быть украв из гнезда белки.

Разглядывая свою берестяную трубочку, я сделал ещё одно открытие: под прикрытием ореха поселился — кто бы мог подумать! — паучишко и всю внутренность трубочки затянул своей паутинкой.



БОЛОТО

Знаю, мало кто сиживал раннею весною на болотах в ожидании тетеревиного тока, и мало слов у меня, чтобы хоть намекнуть на всё великолепие птичьего концерта в болотах перед восходом солнца. Часто я замечал, что первую ноту в этом концерте, далеко ещё до самого первого намека на свет, берёт кроншнеп. Это очень тонкая трель, совершенно не похожая на всем известный свист. После, когда закричат белые куропатки, за-





чуфыкают тетерева и токовик, иногда возле самого шалаша, заведёт своё бормотанье, тут уж бывает не до кроншнепа, но потом при восходе солнца в самый торжественный момент непременно обратишь внимание на новую песню кроншнепа, очень весёлую и похожую на плясовую: эта плясовая так же необходима для встречи солнца, как журавлиный крик.

Раз я видел из шалаша, как среди чёрной петушиной массы устроился на кочке серый кроншнеп, самка; к ней прилетел самец и, поддерживая себя в воздухе взмахами своих больших крыльев, ногами касался спины самки и пел свою плясовую. Тут, конечно, весь воздух дрожал от пения всех болотных птиц, и, помню, лужа при полном безветрии вся

волновалась от множества пробудившихся в ней насекомых.

Вид очень длинного и кривого клюва кроншнепа всегда переносит моё воображение в давно прошедшее время, когда не было ещё на земле человека. Да и всё в болотах так странно, болота мало изучены, совсем не тронуты художниками, в них всегда себя чувствуешь так, будто человек на земле ещё и не начинался.

Как-то вечером я вышел в болота промять собак. Очень парило после дождя перед новым дождём. Собаки, высунув языки, бегали и время от времени ложились, как свиньи, брюхом в болотные лужи. Видно, молодёжь ещё не вывелась и не выбиралась из крепей на открытое место, и в наших местах, переполненных болотной дичью, теперь собаки не могли ничего причуять и на безделье волновались даже от пролетающих ворон. Вдруг показалась большая птица, стала тревожно кричать и описывать вокруг нас большие круги. Прилетел и другой кроншнеп и тоже стал с криком кружиться, третий, очевидно, из другой семьи, пересёк круг этих двух, успокоился и скрылся. Мне нужно было в свою коллекцию достать яйцо кроншнепа, и, рассчитывая, что круги птиц непременно будут уменьшаться, если я буду прибли-



жаться к гнезду, и увеличиваться, если удаляться, я стал, как в игре с завязанными глазами, по звукам бродить по болоту. Так мало-помалу, когда низкое солнце стало огромным и красным в тёплых, обильных болотных испарениях, я почувствовал близость гнезда: птицы нестерпимо кричали и носились так близко от меня, что на красном солнце я видел ясно их длинные, кривые, раскрытые для постоянного тревожного крика носы. Наконец, обе собаки, схватив верхним чутьём, сделали стойку. Я зашёл в направлении их глаз и носов и увидел прямо на жёлтой сухой полоске мха, возле крошечного куста, без всяких приспособлений и прикрытия лежащие два большие яйца. Велев собакам лежать, я с радостью оглянулся вокруг себя, комарики сильно покусывали, но я к ним привык.

Как хорошо мне было в неприступных болотах и какими далёкими сроками земли веяло от этих больших птиц с длинными кривыми носами, на гнутых крыльях пересекающих диск красного солнца!



Я уже хотел было наклониться к земле, чтобы взять себе одно из этих больших прекрасных яиц, как вдруг заметил, что вдали по болоту, прямо на меня шёл человек. У него не было ни ружья, ни собаки и даже палки в руке, никому никуда отсюда пути не было, и людей таких я не знал, чтобы тоже, как я, могли под роем комаров с наслаждением бродить по болоту. Мне было так же неприятно, как если бы, причёсываясь перед зеркалом и сделав при этом какую-нибудь особенную рожу, вдруг заметил в зеркале чей-то чужой изучающий глаз. Я даже отошёл от гнезда в сторону и не взял яйца, чтобы человек этот своими расспросами не спугнул мне, я это чувствовал, дорогую минуту бытия. Я велел собакам встать и повёл их на горбинку. Там я сел на серый, до того сверху покрытый жёлтыми лишайниками камень, что и селось нехолодно. Птицы, как только я отошёл, увеличили свои круги, но следить за ними с радостью больше я не мог. В душе родилась тревога от приближения незнакомого человека. Я уже мог разглядеть его: пожилой, очень худощавый, шёл медленно, наблюдая внимательно полёт птиц. Мне стало легче, когда я заметил, что он изменил направление и пошёл к другой горушке, где и сел на камень, и тоже окаменел. Мне даже стало приятно, что там сидит такой же, как я, человек, благоговейно внимающий вечеру. Казалось, мы без всяких



Большой
кроншнеп

слов отлично понимали друг друга, и для этого не было слов. С удвоенным вниманием смотрел я, как птицы пересекают красный солнечный диск; странно располагались при этом мои мысли о сроках земли и о такой коротенькой истории человечества; как, правда, всё скоро прошло.

Солнце закатилось. Я оглянулся на своего товарища, но его уже не было. Птицы успокоились, очевидно, сели на гнёзда. Тогда, велев собакам, крадучись, идти назад, я стал неслышными шагами подходить к гнезду: не удастся ли, думал я, увидеть вплотную интересных птиц. По кусту я точно знал, где гнездо, и очень удивлялся, как близко подпускают меня птицы. Наконец, я подобрался к самому кусту и замер от удивления: за кустом всё было пусто. Я тронул мох ладонью: он был ещё тёплый от лежавших на нем тёплых яиц.

Я только посмотрел на яйца, и птицы, боясь человеческого глаза, поспешили их спрятать подальше.



А КАКИЕ ЖИВОТНЫЕ
ЖИВУТ НА БОЛОТЕ?



ОСТРОМОРДАЯ
ЛЯГУШКА



БОЛОТНАЯ
ЧЕРЕПАХА

ОНДАТРА



ОБЫКНОВЕННЫЙ ТРИТОН



ТИГРОВЫЙ УЖ



КРАСНОБРЮХАЯ
ЖЕРЛЯНКА





СОДЕРЖАНИЕ

Журка. 2

Кот 6

Как я научил своих собак
горох есть. 9

Гаечки 12

Синий лапоть. 14

Птицы под снегом 20

Хлопунки 25



Таинственный ящик 30

Лесные загадки 33

Лесной шатёр 39

Пиковая Дама 41

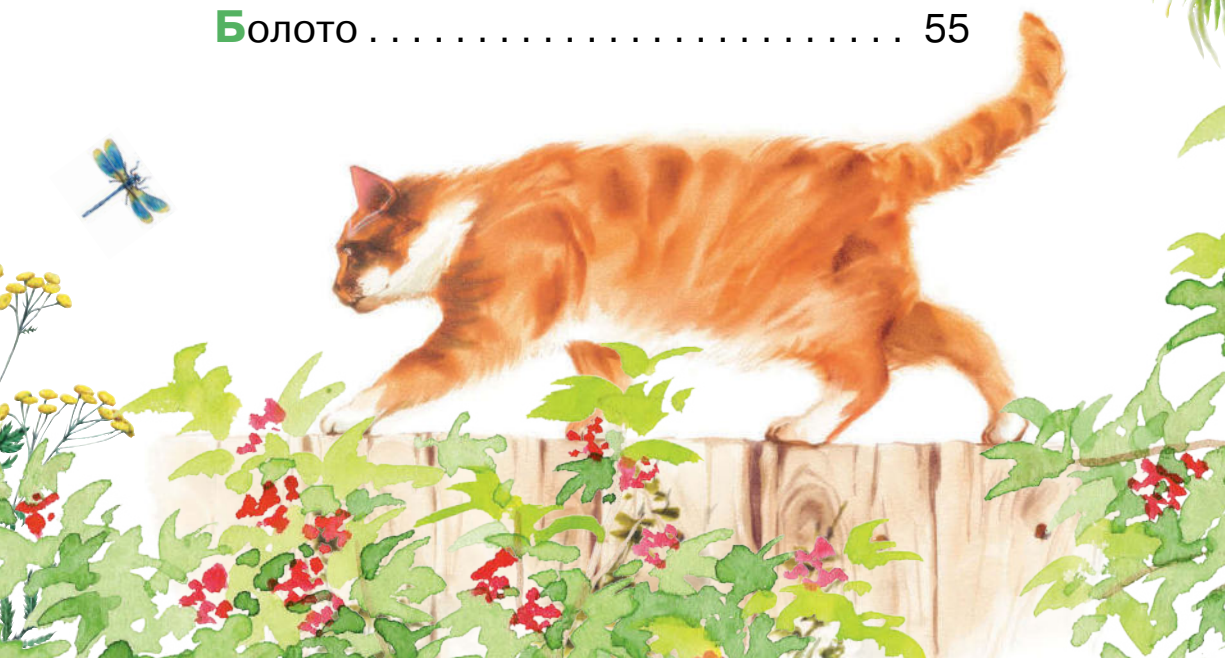
Отражение 47

Ребята и утята 48

Моя родина 52

Берестяная трубочка 54

Болото 55



УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П77

Серия «Первые книжки о животных»
Научно-популярное издание
глыми-бұқаралық баспа
Для младшего школьного возраста

Пришвин Михаил Михайлович
ЛЕСНЫЕ ЗАГАДКИ
Рассказы

Коллектив художников

Дизайн обложки и шрифтовая группа Н. Ворламовой
В оформлении обложки использованы иллюстрации В. Бастрыкина, А. Мосалова, Н. Федоровой, Ю. Станишевского и др.
В оформлении книги использованы материалы, предоставленные фотобанком Shutterstock.com

Редактор А. Мещерякова. Художественный редактор Е. Гордеева. Компьютерная верстка А. Филатовой
Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014(КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Подписано в печать 25.10.2019 г. Формат 70х90/16. Изготовлено в 2019 году. Произведено в Российской Федерации
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Pragmatica. Усл. печ. л. 5,00. Тираж . Заказ № .

Адрес места осуществления деятельности: Российская Федерация,
Москва, 123317, Пресненская набережная, дом 6, строение 2

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: malysh@ast.ru. Home page: www.ast.ru

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

www.ast.ru/redactions/avanta

📷 [instagram.com/ast.deti](https://www.instagram.com/ast.deti)

📺 vk.com/ast.deti

📘 facebook.com/ast.deti

📺 ok.ru/ast.deti

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: malysh@ast.ru Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий в Республике Казахстан - ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында наразылықтарды қабылдау бойынша оқпалық «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский
көш., 3-ақ, Б. литері, офіс 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91, факс: 8(727) 251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz

Тауар белгісі: «АСТ»
Өндірілген жылы: 2020
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация — қарастырылған

Пришвин, Михаил Михайлович.

П77 Лесные загадки / М. Пришвин; худож. В. Бастрыкин, А. Мосалов, Ю. Стахеев и др. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 59, [5] с.: ил. — (Первые книжки о животных).
ISBN 978-5-17-114923-9.

Много загадок загадывает природа, но отгадывать их — большое удовольствие. Сборник рассказов Михаила Пришвина «Лесные загадки» познакомит читателя с лесными зверями и птицами, расскажет, куда тетерева от непогоды прячутся, кого синим лаптем прозвали, где живёт птица каравайка. Рассказы классика удачно дополняют акварельные иллюстрации современных художников и познавательные развороты, сделанные специально для детей.

Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пришвин М.М., насл., 2020
© Быстрыкин В.В., ил., 2020
© Гордеева Е.А., ил., 2020
© Дмитриева Т.Н., ил., 2020
© Мосалов А.А., ил., 2020
© Станишевский Ю.А., ил., 2020

© Стахеев В.Ю., ил., 2020
© Федорова Н.А., ил., 2020
© Цыганков И.А., ил., 2020
© Шелкун Е.В., ил., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020





Много загадок загадывает природа, но отгадывать их — большое удовольствие. Сборник рассказов Михаила Пришвина «Лесные загадки» познакомит читателя с лесными зверями и птицами, расскажет, как тетерева от непогоды прячутся, кого синим лаптем прозвали, где живёт птица каравайка.



www.ast.ru

ISBN 978-5-17-114923-9



9 785171 149239

ЕАС



Аванта

Присоединяйтесь к нам!

www.ast.ru/redactions/avanta

[Instagram.com/ast.deti](https://www.instagram.com/ast.deti)

vk.com/ast.deti

facebook.com/ast.deti

ok.ru/ast.deti